

В Е Р О Н И К А Г Е Н Р И

НОЧЬ В ЗАМКЕ

Одна ночь, чтобы влюбиться.
Одно лето, чтобы все изменить.

18+

Хеппи-энд (или нет)

Вероника Генри

Ночь в замке

«Азбука»

2025

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Генри В.

Ночь в замке / В. Генри — «Азбука», 2025 — (Хеппи-энд (или нет))

ISBN 978-5-389-33917-0

Мир Конни рухнул. Дети выросли и разъехались, журнал, в котором она работала, закрылся, а любимый мужчина ушел к другой. И когда неожиданно звонит крестная с просьбой о помощи, Конни не задумываясь срывается с места и едет в Прованс. Да и кто лучше нее справится с гостиницей, которую много лет назад открыли в старинном замке крестная с мужем? В юности Конни провела там незабываемое лето, научившись готовить изысканные французские блюда, гладить простыни, пропитанные ароматом лаванды, и... пытаясь устоять перед обаянием соседа Реми. Прошлое в наших воспоминаниях всегда кажется таким милым, но на деле глазам Конни предстает иная картина: прекрасное шато вот-вот развалится, персонала не хватает, пожилым владельцам нужно уехать в Лондон до Рождества, а номера в гостинице уже забронированы. И у Конни осталось всего три месяца, за которые ей нужно не только «реанимировать» замок, но и придумать, что делать дальше с собственной жизнью... Вероника Генри – британская писательница, сценарист и журналист. В 2000 году заключила свой первый книжный контракт, сегодня же перу Вероники принадлежит более 20 романов, которые переведены на 25 языков и изданы в 30 странах. Среди самых известных ее книг – «Как найти любовь в книжном магазине» и «Ночь в „Восточном экспрессе“», удостоенная премии Ассоциации писателей-романтиков. Роман «Ночь в замке» вышел в свет только в 2025 году, но уже успел собрать восторженные отклики читателей и прессы. Впервые на русском!

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-33917-0

© Генри В., 2025

© Азбука, 2025

Содержание

Пролог	7
Глава 1. Конни	8
Глава 2. Лизмей	14
Глава 3. Лизмей	22
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Вероника Генри

Ночь в замке

Оформление обложки Татьяны Павловой.

Veronica Henry
ONE NIGHT AT THE CHATEAU
Copyright © 2025 by Veronica Henry
All rights reserved

© И. А. Тетерина, перевод, 2026

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Азбука®

* * *

*Посвящается Джейку, который без усталости возил меня по
Провансу, чтобы я могла проверить и перепроверить каждую мелочь.
Мерси! хх*

Пролог

Шато Виллет уютно расположилось в тени старого кипариса, скрываясь от палящих лучей послеполуденного солнца. Если вы посмотрите на него сквозь полуоткрытые веки, возможно немного отяжелевшие после роскошного обеда и двух бокалов розового вина, то увидите голубые ставни, обрамляющие глубоко утопленные в массивные стены окна, две каменные лестницы, ведущие к входной двери, и две одинаковые островерхие башенки по обе стороны здания.

А вот ни трещин в оштукатуренных стенах, ни выцветших обоев, ни заросших клумб, на которых когда-то пышно цвели розы, вы не заметите – красота шато так ослепительна, что затмевает любые его изыяны.

По слухам, оно было построено для красивой, но чересчур легкомысленной сестры Наполеона Полины, этакое уютное гнездышко, где она могла без помех предаваться амурным играм. А теперь шато спит. Не мертвым сном, нет, скорее, оно дремлет в ожидании, когда в его надежные стены снова вернется жизнь. И смех. И любовь. Оно не может жить без людей, ему насущно необходимо, чтобы в воздухе пахло омаровым биском¹ и хлопали винные пробки. Чтобы над величественной лестницей разносились голоса и слышался стук изящных каблучков. И возможно, даже звучала музыка, хотя рояль давным-давно вывезли – но почему бы в один прекрасный день не появиться здесь новому?

Шато знает, что надо иметь терпение. Надо дожидаться нужного человека. Оно дремлет, грезя о том, кем же он может быть? Кто толкнет ржавеющие ворота, преодолеет извилистую подъездную дорожку, завернет за угол – и влюбится в него с первого взгляда, безумно и горячо?

Шато хочет, чтобы его снова любили, ибо в нем самом столько любви и оно готово ее дарить в ответ.

¹ Биск – блюдо французской кухни, крем-суп, главный ингредиент которого – панцири ракообразных.

Глава 1. Конни

Когда позвонила крестная, я третий день бродила по дому в пижаме.

Трубку я не взяла.

Лизмей не признавала пижам. Она считала, что они предназначены для мужчин и детей. Сама она всегда порхала по кухне в бледно-розовом пеньюаре, ставя на плиту кофейник и собирая багеты, сливочное масло и абрикосовый джем, чтобы вынести все это в сад, где летом по утрам накрывала стол для завтрака. Стоило мне только закрыть глаза, как я чувствовала запах ее парфюма, смешанный с ароматом кофе. «Живанши». Свой первый флакончик духов я получила от нее в подарок на четырнадцатый день рождения. Она отвезла меня в Париж и позволила выбрать самой. Вот такая у меня крестная.

Однако, глядя на имя, высветившееся на экране телефона, я испытала приступ стыда. Не только потому, что ее звонок застал меня в пижаме, но и из-за того, как долго мы с ней не виделись. Когда же это было? Пять с лишним лет тому назад, когда она приезжала на мамнины похороны. Я обняла тогда крестную, сжав крепко-крепко и вдыхая ее запах, и почувствовала на щеке ее слезы.

– Приезжай к нам погостить, – сказала она, держа меня за локти и глядя в глаза.

– С радостью, – отозвалась я.

Я не кривила душой, но в гости так и не приехала. Мой благоверный, Дэниел, был убежден, что она его недолюбливает.

– Она считает, что я недостаточно хорош для тебя, – сказал он мне как-то. Такой вывод он сделал, потому что Лизмей переходила в разговор со мной на французский, когда не хотела, чтобы он понял, что она говорит. Ну, что сказать, она была права в своей оценке. – А это ее шато местами просто свинарник.

– Это шебби-шик!² – возмутилась я.

Дэниел в ответ только одарил меня своим фирменным взглядом, сардонически вздернув бровь. В его понимании душ должен иметь штук семнадцать разнообразных настроек, а еще лучше – вдобавок функцию распыления ароматерапевтического пара. Своенравной сантехнике в его картине мира нет места, а ванные комнаты в шато Виллет определенно не из тех, которые можно вставить в рекламный буклет, чтобы завлечь требовательных гостей. Туда ездят за атмосферой, а не за возможностью принять душ по последнему слову техники.

Тут я задумалась, когда сама в последний раз принимала душ. Вспомнить не удалось. Я вздохнула и попыталась отодрать себя от кровати. То, что я лежала на ней, а не в ней, я решила считать своим достижением. Накануне я закатала пижамные штаны, накинула плащ и в таком виде добежала до ближайшего магазинчика, где купила банку консервированной кукурузы, пакетик жевательных «червячков» со вкусом клубники и банку диетической колы. Кукурузу я съела прямо из банки, по одному выживая зернышки пальцами. Мне казалось, что я глотаю камни.

Интересно, что нужно Лизмей? Может, она в Лондоне? Мне очень хотелось с ней увидеться. Пообедать вместе в ее любимом ресторане «Джермин-стрит, 45», побродить по магазинам на Пикадилли, где она обыкновенно покупала всякую всячину, которой не бывает во Франции, – мыло «Санта-Мария-Новелли», чай из «Фортнума», книги из «Хэтчердса».

Беда в том, что мне с той же силой хотелось спрятаться, потому что, если бы я взяла трубку, пришлось бы рассказать Лизмей правду, и тогда она стала бы реальностью и мне при-

² *Шебби-шик* (от *англ.* shabby – потертый, поношенный) – стиль в интерьере, декоре и моде, предполагающий использование искусственно состаренных предметов, как старинных, так и современных, выкрашенных преимущественно в пастельные тона, а также обилие текстиля с пасторальными мотивами.

шлось бы что-то делать с положением, в котором я оказалась, вместо того чтобы киснуть в постели.

Но все и так реальнее некуда, напомнила я себе. Мне нужно собрать себя в кучку и действовать. Для начала необходимо найти хорошо оплачиваемую работу. Если я ее не найду, мне светят большие проблемы. Разумеется, я более чем на это способна. Была же я когда-то главным редактором «Сердца дома», глянцевого журнала, посвященного кулинарии и стилю жизни, пока его не прикрыли в одночасье, после чего я оказалась не у дел. Дэниел тогда мне сказал, чтобы я сделала передышку и без спешки подумала над тем, что хочу делать дальше.

– Теперь, когда дети выросли, мы можем пожить для себя, – сказал он мне. – Не заставляй себя заниматься тем, чем не хочешь.

Я тогда приняла его щедрость за доброту, не подозревая, что это была всего лишь больная совесть.

Мне следовало сразу же вернуться в строй. А я вместо этого беспечно осела в Челтнеме, занималась садом и время от времени пописывала на заказ статейки, теша себя иллюзией, что мы с Дэниелом одна команда и что теперь, когда мне за пятьдесят, я могу наконец немножко сбавить обороты, поскольку сил у меня уже не так много, как прежде, и возможность не бежать каждое утро на поезд до Паддингтона казалась благословением.

Теперь же я была парализована паникой. Я понятия не имела, что ждет меня в будущем. Дэниел, по информации трехнедельной давности, вил гнездышко с Андреа, новой любовью всей его жизни, в ее сверкающем доме, где все управлялось с телефона. Даже шторы. Белые бархатные шторы с серебристыми подхватами. Их я, разумеется, выдумала. Проехать мимо ее дома я не смогла бы, даже если бы захотела, потому что он располагался в «эксклюзивном закрытом жилом комплексе, сочетающем в себе комфорт класса люкс с абсолютной приватностью».

Агентша по недвижимости заехала оценить наш дом в понедельник. От ее неумеренных похвал мне стало совсем тошно.

– Какой роскошный семейный дом. У вас его с руками оторвут. Просто мечта, а не дом!

Ну еще бы, это ведь я его таким сделала – от прачечной, которой гордилась бы сама Ухти-Тухти³, до встроенного коктейль-бара с зеркальными полками.

От цифры, которую она мне назвала, у меня захватило дух, но это не отменяло того факта, что мне предстояло расстаться с моим любимым детищем.

Когда она ушла, я рухнула на кровать. Я вложила в этот дом все, что у меня было. Сердце, душу и все свободные деньги. Я была не уверена, что когда-нибудь смогу простить Дэниела. Да, мы давно уже не были юными влюбленными голубками, да, у нас были несколько другие приоритеты, но я думала, что, если мы не цепляемся друг за друга и большую часть времени заняты каждый своим делом, это признак крепкого брака.

Мой телефон тренькнул, и я вздрогнула от неожиданности. Это оказалось уведомление, что Лизмей оставила мне голосовое сообщение. Может, до нее дошли какие-то слухи? Может, дал ей знать папа? Терпеть не могу это выражение. «Пожалуйста, дай мне знать, если тебе что-нибудь понадобится». Люди так говорят, когда слышат плохие новости и хотят почувствовать, что они чем-то помогли. Впрочем, сомневаюсь, чтобы папа ей что-то сказал. Он не из тех, кто вмешивается в чужие дела. Когда я рассказала ему про Дэниела, он был немногословен. Я даже подумала, что, наверное, он в глубине души обрадовался нашему разрыву, потому что на следующее утро папа прислал мне коротенький имейл с контактами адвоката, с которым он играл в теннис. «Тебе может понадобиться совет. Он настоящий профессионал, и он не обдерет тебя как липку». Папа водил знакомства исключительно с отличными ребятами, так

³ Ухти-Тухти – героиня сказки английской писательницы Беатрис Поттер, ежиха, стиравшая белье лесным зверюшкам.

что я знала, что Саймон Левин позаботится обо мне, но не готова была пока к нему обратиться. И тем не менее это меня приободрило.

Я устала на красную точку пропущенного звонка. Может, Лизмей – это тот катализатор, который мне нужен? Побудительный пинок? Она всегда была для меня примером для подражания. Элегантной, способной и полной *joie de vivre*⁴. Я представила ее на кухне шато, за длинным сосновым столом, перед миской, полной спелых глянцевых помидоров. При мысли об их готовых лопнуть мясистых боках и терпком запахе у меня потекли слюнки, а в животе вдруг заурчало. Сколько же прошло времени с той банки кукурузы?

Трясущимся пальцем я нажала на стрелочку, чтобы прослушать сообщение.

Дрожь в голосе Лизмей стала для меня неожиданностью.

– Конни? – произнесла она. – Ты мне нужна. Можешь мне позвонить, дорогая?

Еще минут десять я лежала в кровати, пытаюсь собраться с духом, чтобы перезвонить ей. У меня есть заранее заготовленный, слепленный кое-как текст, который я отправляю, когда кто-нибудь мне звонит не ко времени: «Прости, работы по горло! Звякну, как разгребусь!» – и он каждый раз отлично срабатывает. Но отправить его Лизмей я не могла.

В конце концов я заставила себя встать и потащила в ванную. Звонить ей в таком виде было невозможно. Несмотря на то что она не могла меня увидеть, я все равно чувствовала бы на себе ее взгляд. Я выглядела одновременно одутловатой и осунувшейся, глаза покраснели и опухли, щеки ввалились. Кожа казалась какой-то сальной, волосы тоже, в отросших темных корнях змеилась неопрятная жесткая седина, пережженные перекисью кончики посеклись.

Неудивительно, что Дэниел меня бросил, подумала я, глядя на себя в зеркало.

Прошлой меня почти не осталось после потери мамы, работы, которую я любила, и гнезда, которое за последнюю пару лет стремительно опустело. Да, я ожидала, что дети рано или поздно выпорхнут в свою, отдельную от меня жизнь, но не их отец! Что стало с организованной, стильной, энергичной Конни с ее головокружительной карьерой, напряженным графиком и завидным гардеробом? Я горела так ярко, подумалось мне грустно, но погасла, растоптанная до такой степени, что от меня осталась лишь слабая искорка. Не было ничего, что могло бы доказать мне, что я что-то значу. И причин вставать с кровати тоже не было.

Кроме звонка Лизмей. Это было первое за много дней событие, которое слегка меня расшевелило. Я почистила зубы и заставила себя принять душ, облившись кучей самых разнообразных гелей, шампуней и кондиционеров и даже осилив бритье подмышек. Десять минут спустя я вышла из ванной, благоухая «Л'Окситаном», и надела чистую одежду. Ничего особенно модного или достойного появления на подиуме, поскольку я могла выносить только мягкий трикотаж, но, по крайней мере, я стала приятней пахнуть. Уже огромное достижение.

С момента звонка Лизмей прошло уже с полчаса. Я взяла телефон и, подойдя к окну, раздвинула шторы. В комнату хлынул дневной свет, и я, проморгавшись, взглянула на обнесенный изгородью сад, в который вложила столько труда: аккуратно подстриженная живая изгородь из самшита, магнолия, клумбы, засаженные георгинами шоколадных, винных и лиловых оттенков, такими темными, что они казались практически черными. Шик, минимализм и совершенно бесполезная трата времени, подумалось вдруг.

Я опустила на кровать и набрала номер Лизмей.

– Конни! – с явным облегчением выдохнула она в трубку.

– Прости, я была в душе, когда ты позвонила.

Моя ложь, выдуманная наспех, была скользкой, как обмылок.

– Спасибо, что перезвонила.

В ее голосе звучала отчаянная признательность.

– Что такое? Что-то случилось?

⁴ Радость жизни (*фр.*).

– Я всю голову себе уже сломала. Не знала, кому еще позвонить. Но потом подумала, что ты можешь кого-нибудь знать...

– Продолжай.

– Мы с Пирсом на следующей неделе возвращаемся в Лондон. У него назначена операция по замене тазобедренного сустава. Ему уже давным-давно следовало ее сделать, но он все тянул и тянул. – Лизмей вздохнула. – Девушка, которая отвечала у нас за готовку, в пятницу уволилась. Так что теперь некому приготовить ужин. С завтраками остальной персонал как-нибудь справится, а вот с ужином – нет.

– Но почему она вдруг решила уйти? – возмутилась я такой безответственности.

Лизмей замялась.

– Пирс ей нагрубил. Мне кажется, он это нарочно. Потому что не хочет делать операцию.

– Это безумие.

– Я знаю. Но он упертый старик. Поэтому я пытаюсь его перехитрить. Нет ли у тебя на примете кого-нибудь, кому можно это поручить? Я подумала, ты с твоими связями должна кого-нибудь знать. Мы не можем себе позволить отменить все бронирования. – Это признание явно далось ей нелегко. – И операцию не делать нельзя. Он не живет, а мучается. Это всего лишь до Рождества. Потом мы вернемся обратно.

Я некоторое время молчала. Мои мысли перекинулись на шато Виллет. Эти шероховатые пастельные стены, широкая лестница, ведущая к дубовой арочной двери. Воздух, напоенный ароматом мимозы. Шелковистая гладь озера. Вино, оттенком напоминающее бледно-розовые младенческие ноготки.

Белая рубашка, расстегнутая на груди так, что в вырез видна сливочная кожа. Хрипловатый голос над моим ухом. Я усилием воли отогнала непрошенные видения. Что толку терзать себя прошлым? Мне нужно думать о будущем.

– Кажется, такой человек у меня есть.

– Я знала, что ты поможешь! Спасибо тебе огромное, Конни. Ты его спросишь?

– Можешь считать, что дело в шляпе. – Томить ее дольше я не собиралась. – Я уже еду.

– Ты?! – ахнула Лизмей, не веря своему счастью. – Ты приедешь к нам?

– Ну да.

– Ох, Конни. А как же твоя работа?

– Не все ли равно, где писать, – беззаботно отозвалась я.

Да уж, завалена заказами я не была точно.

– А Дэниел не будет против?

– Нет, конечно. Теперь, когда дети разъехались, я птичка вольная.

Я постаралась, чтобы мой голос на этих словах не дрогнул. Не надо ей сейчас ни о чем знать. Если я хоть словечком обмолвлюсь о том, что произошло, она немедленно переключится на меня.

Вместо этого она протяжно вздохнула, отчасти с облегчением, отчасти со смирением.

– Ты не представляешь, как много это для меня значит.

– Завтра же с утра я прыгну в машину и двину в сторону Тоннеля⁵.

– Только делай по дороге остановки. Не вздумай гнать без отдыха.

– Не буду. Не волнуйся. Ладно, пойду собираться. Звони, если что.

Просто поразительно, как быстро я из раскисшей тряпки превратилась в ураган. За два часа я забронировала проезд по Евротоннелю, недорогой отель в окрестностях Дижона, где планировала сделать остановку на ночь, собрала чемодан, навела везде порядок, поменяла постельное белье и подготовила дом к отъезду. Меня точно переключили в режим бешеного электровеника. Забавно, как мало мне оказалось нужно, чтобы снова вернуться в этот режим.

⁵ Имеется в виду Евротоннель под Ла-Маншем, соединяющий Великобританию с континентальной Европой.

Я съездила в автосервис, заправила машину и купила кое-какой еды в небольшом магазине «Маркс и Спенсер». Вернувшись домой, я впервые за долгое время поела по-человечески. Звонок Лизмей вывел меня из ступора. В ту ночь я легла в постель сытой, чистой и полной решимости.

Но прежде чем уснуть, я открыла коробку с журнальными вырезками, которые собирала для вдохновения. Я до сих пор подписана на все конкурирующие журналы, за которыми следила в бытность свою главным редактором. Я развернула вырезку с заметкой из журнала о винах. Его лицо я узнала сразу же, едва открыла страницу. Мне было двадцать три, когда я в последний раз смотрела в его глаза. Они остались в точности такими же: теплыми, искрящимися юмором. С возрастом он стал лишь еще привлекательнее. Его темные волосы были слегка тронуты серебром, в уголках губ притаились лукавые морщинки, широкие плечи обтягивал дорожный на вид кашемировый свитер. На меня вдруг нахлынуло желание, пульс ускорился, как тогда, в моем воспоминании.

Это было неожиданно. Я-то думала, что с уходом Дэниела я закрываю для себя эту тему. Это было как ушат ледяной воды на мое либидо. Я снова перечла текст, хотя знала его едва ли не наизусть.

Легендарный блуждающий полузащитник Реми Гаспар наконец-то завершил карьеру тренера по регби и вернулся на семейный виноградник в окрестностях Барля в Провансе. Там он планирует возродить производство розового вина и запустить несколько новых линий. В настоящее время он вкладывается в новую винодельню и набирает энергичную новую команду. «Вино всегда было у меня в крови, но регби на протяжении многих лет было главным делом моей жизни, и ничему другому места в ней уже не оставалось. Однако теперь, когда мой отец отошел от дел, мне не терпится внести свежую струю в производство тех потрясающих вин, которыми мы по праву гордимся. Я хочу сделать что-нибудь сексуальное и неотразимое, что потеснило бы другие премиальные марки розового вина. А вы же знаете, что я обожаю побеждать!»

Я со вздохом закрыла глаза. Глупо терзать себя. Прошное должно оставаться в прошлом. Я и так достаточно времени потратила, грезя о мужчине, который метеором промелькнул на моем небосклоне двадцать с лишним лет назад. Да, Реми Гаспар и то лето навсегда запечатлелись в моей памяти, и с тех пор я никогда не встречала никого, кто хотя бы отдаленно был на него похож, но я отнюдь не роковая женщина, ни внешне, ни по складу характера, так что пора прекращать фантазии.

Я еду в шато Виллет, чтобы выручить крестную. И ни за чем иным.

В шесть утра я вскочила с постели. Взяла собранный чемодан, сумочку и ключи от машины и сбежала с крыльца, на мгновение остановившись, чтобы на прощание взглянуть на дом. При взгляде на него у меня до сих пор начинали бегать мурашки. Нужно отдать должное Дэниелу, он превзошел самого себя, когда нашел его. Помню, он прислал мне сообщение с подробностями, добавив, что у нас есть ровно четыре часа, чтобы принять решение, берем мы его или нет, прежде чем дом официально выставят на продажу. Я ответила мгновенно: берем. До сих пор помню трепет, который охватил меня, когда я впервые поднималась по ступеням Колинвуд-хауса. Четырехэтажный дом с высокими потолками, просторными и светлыми комнатами, выходящими на парк в самом центре Челтнема. Он был в ужасающем состоянии, и на то, чтобы сделать из него конфетку, у нас ушло восемь лет. Для Дэниела это был символ статуса. Для меня же – любимый дом. И все еще им оставался.

А теперь нам приходится его продавать. Я сморгнула слезы и, отвернувшись, торопливо зашагала к машине, припаркованной на обочине. Одно нажатие кнопки на брелоке – и дверца, дважды пискнув, открылась.

Когда я загружала в багажник чемодан, в голову мне пришли две мысли.

Я даже не подумала сообщить моему бывшему, куда еду.

(«Бывший». Я до сих пор не привыкла ни к этому слову, ни к самой концепции.)

И все, что мне понадобилось, чтобы выбраться из постели, это... *почувствовать* себя нужной.

Я плюхнулась на переднее сиденье и настроила навигатор. Чуть более чем через сутки я буду у Лизмей и Пирса в шато Виллет. В месте, много лет назад изменившем их жизнь, когда они, получив известие, которое страшилось услышать, уехали зализывать раны во Францию.

Кто знает, может, оно изменит и мою жизнь тоже.

Глава 2. Лизмей

1985

В любую другую пятницу они бы уже направлялись в «Луиджис», винный бар неподалеку, чтобы пить на террасе ледяное ламбруско, поглощать спагетти с песто и сливочный тирамису, сплетничая, смеясь и покуривая, прежде чем завершить вечер чашечкой эспresso, такого крепкого, что от него заходило сердце. Это был их с друзьями еженедельный ритуал. Большинство из друзей уже успели обзавестись детьми, и эти пятничные вечера были для них наградой, драгоценной отдушиной, стоившей каждого пенни, отданного няням.

В эту пятницу Лизмей с Пирсом никуда идти не собирались.

Было почти шесть, когда они вернулись в свой маленький домик с тремя спальнями в Фулеме⁶ – это было самое большее, на что они смогли наскрести денег. Покупая дом, они рассчитывали, что на верхнем этаже будет детская. Сейчас там располагался кабинет Пирса, большую часть которого занимал огромный письменный стол красного дерева, когда-то принадлежавший его деду, громоздились стопки книг, старых школьных фотографий, сертификаты, ящики с вином, приглашения, журналы... но он вмиг избавился бы от всего этого по первому же свистку. Безропотно расстался бы со старой жизнью, чтобы освободить место для новой.

Едва они переступили порог, как Пирс тяжелыми шагами двинулся по лестнице на второй этаж. Лизмей понимала, что лучше сейчас его не трогать. Ему нужно побыть в одиночестве. Она даст ему час, а потом чем-нибудь выманит вниз. К примеру, омлетом. Лизмей подождала, пока на самом верху не хлопнула дверь, потом пробралась по коридору в кухню. Она открыла холодильник и налила себе вина, потом опустилась в кресло у задней двери, которая вела в сад, и взяла телефон. Убедившись, что дверь закрыта и наверху ее не слышно, она набрала номер, который набирала почти каждый день.

– Алло?

Голос у Жанны был запыхавшийся: должно быть, ей пришлось бежать к телефону из спальни, где она собиралась, чтобы идти в «Луиджис». А ее муж Дуги в ожидании ее наверняка сидел в кухне, листая газету.

– Привет.

Она знала, что это приветствие скажет все за нее. Голос у нее дрогнул.

– Ох, дорогая. – Жанна сразу все поняла. – Плохие новости?

– Не слишком хорошие.

– Ох, Лизмей... *Chérie*...⁷ Мне так жаль.

– Ну что поделать. Мне кажется, я с самого начала это знала. Но когда слышишь что-то от профессионала, это совсем другое дело. Когда тебе говорят прямым текстом.

– Конечно. – Жанна замаялась, но лишь на секунду. – Так что сказал врач?

Храбрая Жанна не побоялась задать этот вопрос. За что Лизмей ее и любила. Большинство на ее месте не отважились бы спросить и услышать ответ были бы не готовы. Но потому-то Жанна и была ее лучшей подругой, и потому-то Лизмей ей и позвонила – потому что ей необходимо было кому-нибудь это рассказать, произнести вслух то, что они слышали от врача.

– Ну, в общем, у него непроходимость каких-то там протоков и ничего не проходит наружу. С этим ничего нельзя сделать. Вот так вот.

В трубке послышался вздох Жанны. Потом ее голос, который казался слегка дрожащим:

– До чего же это несправедливо. Из вас получились бы замечательные родители.

⁶ Фулем – район Лондона.

⁷ Дорогая... (*фр.*)

– Возможно. Теперь мы никогда этого не узнаем. – Ее слова прозвучали неожиданно резко. – Прости. Что поделать, если вот так.

– Но есть же и другие... – Жанна не договорила, сообразив, что пока преждевременно обсуждать варианты. – Прости. Мне, наверное, не стоило это говорить.

– Да. Можно усыновить. Или прибегнуть к помощи донора. Но мне кажется, Пирс не горит желанием делать ни то ни другое.

– А ты?

– Я не знаю. У меня в голове полнейший сумбур. – Лизмей сделала глоток вина, понимая, что это вряд ли поможет ей прояснить мысли, зато может притупить боль. – В общем, скорее всего, мы сегодня не придем.

– Разумеется. Повиси пару секунд. – Жанна прикрыла трубку ладонью, но Лизмей все равно услышала ее приглушенный голос: – Конни, милая. Я шесть раз уже тебе сказала. Надень пижаму.

Конни. Ее крестница. Ее хорошенькая, как феечка, крестница, с вечно спутанными белокурыми кудряшками. В свои почти восемь она все еще любила сидеть у Лизмей на коленях, когда та читала ей Беатрис Поттер. При мысли о теплоте ее тельца у Лизмей снова перехватило горло. Она всегда была уверена, что рано или поздно у нее будет своя феечка. Или, может быть, бутуз с такими же, как у Пирса, прямыми каштановыми волосами и мосластыми коленками. Или оба сразу. Мальчик и девочка.

Все это были пустые мечты. Не будет ни мальчика, ни девочки.

– Как Пирс?

Голос Жанны вновь окреп.

– Раздавлен, – отозвалась она. – Безутешен. Я не знаю, что делать. Он ушел к себе в кабинет. Не хочу лезть к нему с разговорами.

– Франция, – сказала Жанна. – Отвези его во Францию. Уезжайте из Фулема. Уезжайте из Лондона. Можете пожить в нашем летнем домике.

– Правда?

– Конечно. Все равно до июня там никого не будет, а мы сами поехать не можем из-за... – Она осеклась, и Лизмей поняла, что она собиралась сказать. Они не могли никуда поехать из-за Конни и ее младшего брата Арчи, потому что им нужно было ходить в школу. – Правда. Это пойдет вам на пользу. Во Франции все и всегда кажется лучше. Будете есть от пуза и дышать свежим воздухом. В апреле там просто чудесно, и ты заодно посоветуешь мне, какие шторы вешать в комнатах на чердаке. Они у меня следующие по списку.

Жанна унаследовала от матери старый дом в Провансе, и они с Дуги с невероятной щедростью делились им с друзьями. И Жанна была права: во Франции все и всегда в самом деле казалось лучше, в особенности на солнышке, за бутылкой розового вина и большой тарелкой сыра. Возможно, это был ответ.

– Спасибо тебе, – произнесла Лизмей. – Посмотрим, что скажет Пирс.

– Зачем вообще его спрашивать? Забронируй место на пароме. Я позвоню мадам Кель-Кошмар и скажу ей, что вы едете. Она все подготовит и передаст вам ключи.

Лизмей почувствовала прилив любви к подруге. Ей представилось, как та стоит в холле в твидовой мини-юбке, свитере из «Бенеттона» и коротеньких остроносых полусапожках, с блестящими темными волосами, перехваченными ободком на манер диснеевской Алисы – ни дать ни взять двенадцатилетняя девчонка. Но Жанна была далеко не дура. Ее широко распахнутые глаза не упускали ни одной мелочи. Ни дорожущего роскошного пальто за смешные деньги в благотворительной комиссионке. Ни свободного местечка в забитом многоэтажном паркинге, когда они приезжали в театр в Вест-Энд.

– Спасибо тебе, – повторила она еще раз.

В глубине души ей хотелось попросить подругу приехать, чтобы она могла уткнуться в нее, вдохнуть запах ее духов и хоть немного утешиться, но она подозревала, что Пирс сейчас рад гостям не будет. Он переживал горе в одиночестве, и, разумеется, рана была еще слишком свежей. Интересно, чем он там занят? Прикладывается к бутылке «Гленморанджи», которая стоит у него на книжной полке? С отсутствующим видом смотрит в окно? Ее вдруг охватило желание пойти проверить, как он там, полностью противоречившее инстинктивному решению оставить его в покое, принятому ранее.

– Ладно, я пойду, – сказала она Жанне. – Может, увидимся на выходных.

– Держись, дорогая.

Лизмей повесила трубку и еще некоторое время сидела, обводя взглядом кухню. Она обустроила все здесь точно в соответствии со своими желаниями, когда ушла с работы по совету врача, в тот момент они еще подозревали, что проблема в ней. Ярко-желтые стены, кремовые кухонные шкафчики, дорожные занавески из магазина «Дизайнерс гилд» с узором из груш и яблок, которые поднимали ей настроение каждый раз, когда она задергивала их. Сосновый стол, который она нашла в лавке старьевщика, очистила от старой краски и ошкурила. Шероховатая керамическая плитка на полу. На мгновение ей представился высокий стульчик с краю, тарелочка и чашка со смешными зайцами на комод, разноцветные магнитные буквы на холодильнике, из которых Пирс составлял бы плохие слова, чтобы смешить их детей. Яйца в мешочек с нарезанными на длинные узкие полоски тостами, бутерброды с мармайтом⁸, запеченную фасоль из консервной банки, печенье в шоколадной глазури, рыбные палочки, пюре с сосисками... и впервые после того, как врач вынес им приговор, на глазах у нее выступили слезы, но она сморгнула их.

Она должна держаться ради мужа.

Кстати, надо проверить, как там Пирс. Она взбежала по лестнице и открыла дверь в его кабинет. Он сидел за столом и, услышав ее шаги, обернулся с широкой улыбкой.

– Привет, дорогая, – произнес он и, взглянув на часы, поднялся. – Пора выходить, а не то опоздаем.

– Куда выходить? – не поняла она.

– В «Луиджис». Времени уже почти семь. Я умираю с голоду. Пожалуй, закажу-ка я сегодня лазанью.

Она была поражена, как быстро он оправился от удара. Ну, то есть не совсем чтобы оправился, просто Пирс каким-то непостижимым образом всегда умудрялся взять себя в руки. Наверное, во многом благодаря тому, что его совсем маленьким отправили учиться в школу-интернат. Ей вспомнилось, как они однажды обсуждали образование их будущих детей – будущих детей! Какая самонадеянность! И оба сошлись во мнении, что никогда не отправят их в такую школу. Несмотря даже на то, что этот опыт закалил характер Пирса. Он не жаловался никогда и ни на что – будь то холод, жара, недоедание или неважное самочувствие. Он был олицетворением стоицизма, причем стоицизма с улыбкой на устах. Как сейчас.

Он поспешил в спальню, чтобы снять галстук с рубашкой, в которой ходил на прием к врачу, и, натянув джемпер, побрызгал себя туалетной водой «Саваж». Лизмей последовала его примеру и сменила темно-синее в белый горошек платье на джинсы. Солнце светило в окна их спальни, как светило всегда. Вот только они изменились. Они переговаривались друг с другом бережно, осознавая собственную уязвимость и хрупкость, как будто были сделаны из стекла. Лизмей казалось, что одно ее неосторожное слово способно разбить его. Все ее мысли были только о предстоящем вечере. Что они скажут, когда войдут в ресторан? Как все отреагируют?

⁸ *Мармайт* – пряная бутербродная паста.

Будут ли они чувствовать себя неловко? Никто не любит ни выслушивать чужие плохие новости, ни смотреть на чужое горе.

Может, снова позвонить Жанне и попросить, чтобы она все всем рассказала до их прихода? Или сначала посоветоваться с Пирсом? В конце конов Лизмей решила, что это их самые лучшие, самые близкие друзья и все они дорожат друг другом, поэтому они просто придут, а там будь что будет. В конце концов, самое худшее уже произошло, так чего им бояться?

Держась за руки, они зашагали в сторону бара, до которого от их дома было чуть меньше мили. На эту крошечную жемчужину они наткнулись совершенно случайно, и теперь это место стало постоянным для встреч с друзьями. Перед последним поворотом Пирс резко остановился. Он посмотрел вверх, на небо без единого облачка, и несколько раз глубоко вздохнул.

– Прости меня, – сказал он.

– Простить?! – эхом отозвалась она, не веря своим ушам. – Дорогой, тут не за что извиняться. Нет здесь твоей вины. И это не имеет никакого значения.

Он с трудом сдерживал слезы.

– Все в порядке, – сказала она. – Все в порядке. У нас есть наша семья.

Пирс посмотрел на нее остекленевшим взглядом. Губы его дрожали.

– У меня есть ты, – сказал он. – Прекрасная и удивительная ты. А что есть у тебя?

– Ты – мой мир, – отозвалась она. – Мое все.

Он вдруг весь как-то изломился и, уткнувшись Лизмей в плечо, зарыдал, как маленький мальчик в свою первую ночь в интернате. Она никогда не видела, чтобы он так плакал. И не знала, что сказать. Она уже несколько раз повторила ему, что самое худшее они уже услышали и теперь постараются взять от своей совместной жизни самое лучшее.

Наконец он перестал плакать и посмотрел на нее.

Она любила каждую его клеточку. С той самой минуты, когда увидела, как он дурачится в пабе «Белая лошадь», показывая какой-то фокус и при этом прекрасно понимая, что навряд ли ему поверят зрители, и тем не менее удерживая их внимание до последнего. Переезжая в Лондон, она была уверена, что столица кишит потенциальными любовниками, однако ее ждало жестокое разочарование. Все, с кем она пыталась встречаться, оказывались либо слишком скучными, либо слишком самовлюбленными, либо откровенными идиотами. А Пирс, хотя и валял дурака, совершенно определенно таковым не являлся. Лизмей смотрела, как он пробирается сквозь толпу, которую собрал вокруг себя, болтая, смеясь, хлопая людей по плечу. Люди любили его, и он отвечал им тем же. Он держался уверенно, но без намека на заносчивость, чего она в мужчинах совершенно не переносила.

Теперь же при виде любимого лица, такого круглого и мальчишеского, глаз, обыкновенно искрившихся озорством, а сейчас покрасневших, как у кролика, у Лизмей сжималось сердце. Никакие ее слова не могли унять его боль. Никакие утешения не способны были поднять дух мужа. Требовалось время. Когда-нибудь ему станет легче, но сейчас она никак не смогла бы убедить его в этом.

Какое-то время они молча стояли посреди улицы, прильнув друг к другу. Это было первое серьезное потрясение в жизни Пирса. Он всегда был баловнем судьбы, все давалось ему легко и просто: и в учебе, и в спорте, и в дружбе. Он не ждал от жизни такого удара. И он всегда был человеком действия, способным решить любую проблему, найти выход из любой ситуации, и услышать, что он ничего не может сделать, что *никто* ничего не может сделать, было для него неожиданностью.

– Ладно, – проговорил Пирс, взяв себя в руки. – Поплакали – и будет. Я такой голодный, что готов съесть слона.

С этими словами он расправил плечи и зашагал вперед.

* * *

– Bella!⁹ – с распростертыми объятиями приветствовал их Луиджи, как всегда импозантный в своем белоснежном фартуке.

С тех пор как они обнаружили его ресторанчик, дела у него пошли в гору; Луиджи постоянно спрашивал у них совета, что он может изменить, чтобы привлечь больше посетителей, и недостатка в идеях у них не было. Мало-помалу он модернизировал свое заведение, сделав его более уютным. Они даже убедили его включать более современную музыку. Сейчас из динамиков лился бархатный голос Шаде: Луиджи был большим ее поклонником.

– «Smooth Operator»¹⁰, – произнес он, указывая на себя.

Его ресторан был самым тщательно охраняемым секретом во всем Хаммерсмите¹¹, главным образом благодаря божественному песто и чесночным гренкам, которые он ставил на стол, едва вы переступали порог: каким-то непостижимым образом хрустящие и мягкие одновременно, они были обжигающе горячими и сочились растопленным маслом. По пятницам они ходили только сюда и никуда больше.

Луиджи понятия не имел об их печальной истории. С ним они говорили исключительно о еде или о его семействе. И о футболе. Когда-то он болел за «Ювентус», но теперь, переехав в Лондон, по совету Пирса перешел на сторону «Тоттенхэма».

– Луиджи, в мае будет финал Кубка Англии, – напомнил Пирс хозяину заведения, пока тот вел их вглубь зала. – Возьмите выходной!

Их компания уже сидела за большим столом на застекленной веранде. Прошлым летом Луиджи побелил заднюю стену, и Лизмей по его просьбе нарисовала на ней виноградную лозу. Брать с него деньги она наотрез отказалась, и тогда он пообещал пожизненно в конце вечера угощать их бесплатным лимончелло.

Они пришли последними. Жанна с Дуги уже, разумеется, были там, и Лотти с Майлзом, и Занна с Кристофером. Главные завсегдатаи их посиделок. Иногда к ним присоединялись и другие, но это был костяк. Кристофер и Майлз вместе с Пирсом учились в школе и в конце концов тоже поселились в Фулеме, а Жанна и Лизмей познакомились в секретарском колледже в Оксфорде. Увидев Лизмей и Пирса, Жанна бросилась им навстречу и обняла подругу.

– Я им все рассказала, ты же не против? – прошептала она Лизмей на ухо, и та покачала головой:

– Спасибо тебе.

То, что они обследуются, не было для друзей секретом, но теперь, получив врачебный вердикт, который никому не хотелось услышать, быть откровенными почему-то было сложнее. Раньше им всегда желали удачи и говорили: «Будем держать пальцы крестиком» – в преувеличенно жизнерадостной британской манере. Теперь же никто не знал, что сказать и куда смотреть. Лизмей с улыбкой обвела взглядом стол, и все неуверенно заулыбались в ответ. Жанна уже обнимала Пирса, и он, кивнув, похлопал ее по спине, как будто хотел подбодрить.

Потом взял со стола бутылку, налил вина в два бокала, протянул один Лизмей и встал в голову стола.

– Что ж, – произнес он, – выпьем же за детей, которых у нас никогда не будет. Не стану делать вид, что не раздавлен этой новостью, но могу сказать только одно: нам очень повезло, что в нашей жизни есть вы и ваши отпрыски. Не будем дальше это обсуждать, потому что в

⁹ Здесь: красotka (ит.).

¹⁰ «Smooth Operator» – вышедшая в 1984 году композиция британской музыкальной группы «Шаде», названной по имени единственной вокалистки группы Шаде Аду. Выражение означает «искусный манипулятор, обаятельный мошенник» (англ.).

¹¹ Хаммерсмит – район Лондона.

этом нет никакого смысла. Так что выпьем в последний раз за ту жизнь, которая у нас могла бы быть, и закроем эту тему.

Лизмей стиснула в пальцах ножку бокала, поднесла его к губам и сделала большой глоток. Липкая сладость ламбруско хлынула ей в горло, и внутри мгновенно стало тепло. И в очередной раз она поразилась своему мужу, его способности мужественно принять то, что случилось, признать это и в то же самое время дать всем однозначно понять, что тема закрыта.

Как это часто бывает, мужчины и женщины сгруппировались по разные стороны длинного стола. Занна с Лотти, держа Лизмей за руки, принялись нашептывать ей сочувственные слова и подливали вино в бокал.

– Такая страшная засада, – сказала Лотти.

– И ужасная несправедливость.

– Я знаю, – вздохнула Лизмей. – Мне кажется, я сама еще до конца это не прочувствовала.

Но внезапно, сидя с друзьями, она начала понимать, что никогда не будет такой, как они. Что ее... их приоритеты теперь будут разными. До сегодняшнего дня она считала, что они станут четвертой семьей в их маленькой компании, будут одалживать друг другу детские стульчики и стерилизаторы для бутылочек, обмениваться сведениями относительно яслей и прививок, вместе организовывать походы на рождественские спектакли.

Она посмотрела на Пирса. Веселый внешне, он болтал о чем-то с друзьями, а потом повернул голову и перехватил ее взгляд. И улыбнулся такой доброй и такой грустной улыбкой, что сердце у нее защемило от боли – за него, за них обоих, за... ох, это было просто невыносимо. На мгновение ее охватило желание выскочить из-за стола и убежать, но Луиджи уже спешил к ним с дымящимися тарелками с пастой, а Лизмей не хотелось портить никому вечер. Она уткнулась взглядом в свои каннелони со шпинатом. Жанна положила руку ей на локоть. Она всегда все замечала.

– Не надо, – сказала Лизмей и взяла вилку.

Когда ее начинали жалеть, ей делалось только хуже.

Потом, уже в постели, ослоловевшие от пасты и лимончелло, Пирс с Лизмей лежали, держа за руки, но ее не покидало ощущение, будто их разделяют многие мили.

– Кстати, Жанна сказала, что мы можем пожить в ее летнем домике, если хотим, – вспомнила она вдруг. – В любое время.

Весенний Прованс – это же настоящая сказка. Она вдруг почувствовала запахи пробуждающейся природы, ощутила тепло весеннего солнца.

Пирс повернулся к ней:

– И чего мы ждем? – Он вскочил с постели. – Давай собирать чемоданы. Завтра в шесть встанем и поедем на паром. Я все равно не усну.

– Прямо сейчас? – Она уселась в кровати, хлопая глазами. – А как же твоя работа?

Он стоял в пижаме рядом с кроватью, и взгляд у него был немного безумный.

– Я позвоню и скажу, что мне нужен отпуск. Я столько работал сверхурочно безо всякой оплаты, что заслужил право на отдых. Они там как-нибудь без меня справятся.

– Но если ехать, то меньше чем на пару недель просто не имеет смысла. Думаешь, они не будут возражать?

– Мне плевать. Будут возражать, положу заявление на стол.

Он развернулся и достал со шкафа чемодан.

Конечно, ему не скажут ни слова против. Лизмей была совершенно в этом убеждена. На службе Пирса любили, считали гением, каким он и был в действительности. Ее муж обладал безудержным воображением, феноменальным умением обращаться со словами и сверхъестественной способностью угадывать, чего хочет клиент. Собственно, его блестящий успех был одной из причин, почему они так долго тянули с детьми. Он хотел выйти на определенный уро-

вень, чтобы к тому времени, когда появятся дети, у него был уже достаточный задел и он мог без помех наслаждаться отцовством. И еще его регулярно пытались переманить конкуренты, жаждавшие заполучить столь ценного специалиста. На этом и основывалась его уверенность в том, что ему не откажут в отпуске. Талант давал определенные преимущества.

– Если мы доедем до Дувра, то можем успеть на первый паром.

– У нас нет билетов.

– Наверняка найдутся свободные места. Там разберемся.

Он выдвинул ящик комода и принялся бросать в чемодан брюки и рубашки.

– погоди. – Лизмей выбралась из постели. – Сюда все не влезет.

– А что нам нужно?

– Все для ночевки. Что-нибудь приличное на тот случай, если мы решим пойти куда-то на ужин. Паспорта. Я схожу найду паспорта.

Его спонтанность заразила ее. Пирс всегда обладал способностью мгновенно оправляться от ударов. Она любила его за это. И сейчас испытывала облегчение. Она знала, что многие, в особенности мужчины, в ответ на плохие новости могут замыкаться в себе.

К полуночи вещи были собраны, паспорта лежали у Лизмей в сумочке, а будильник поставлен на пять утра. Укладываясь в постель, чтобы успеть поспать хотя бы несколько часов, она подумала, что Пирс прав. Проснуться, имея план действий, было куда лучше, чем проснуться с тяжелым сердцем.

В жемчужной рассветной дымке они выскользнули из дома и погрузили чемодан в багажник «эм-джи»¹² Пирса. Лизмей не была уверена, что они поступают разумно, отправляясь во Францию на этой старой колыхаге. Ее «мини-метро» казался куда более рациональным выбором.

– Но «эм-джи» именно для этого и созданы, – сказал Пирс. – Для приключений. И я только месяц назад возил ее в сервис, так что все тип-топ. Не волнуйся.

С этими словами он решительно захлопнул крышку багажника, словно ставя точку в их споре, и Лизмей постаралась выбросить из головы картину, как они стоят на обочине французского шоссе в ожидании техпомощи.

Со стороны они выглядели как молодожены, отправляющиеся в свадебное путешествие. Пирс настоял на том, чтобы опустить крышу, хотя воздух был еще ледяной – «без крыши сразу чувствуется, что ты куда-то *едешь*», – и Лизмей не стала возражать, а накинула на голову шарф, как звезда Голливуда. Они с ревом покатали по дороге, и на мгновение у обоих возникло ощущение, что они едут навстречу приключениям. Пирс и Лизмей обменялись улыбками. Но в глубине души Лизмей знала, что они пытаются сбежать от реальности, от той печали, которую оба испытывали. И даже когда Пирс на прощание хулигански просигналил обитателям их маленькой сонной улочки, эта видимая бесшабашность не развеяла горечи, лежавшей на сердце у обоих.

А впрочем, какая разница, как они решили справляться со своим горем? Это всяко лучше, чем слоняться по дому, жалея себя.

В лучах восходящего солнца они катили по лондонским улицам. Лизмей перелистывала страницы дорожного атласа, помогая Пирсу объезжать утренние пробки. Когда они выехали на шоссе, Пирс переключился на четвертую скорость и протянул ей свободную руку ладонью вверх. Пальцы Пирса и Лизмей переплелись, и он легонечко сжал их. Лизмей не знала, что это – ободрение, солидарность или демонстрация собственной уязвимости, признание в том, что это именно *ему* необходимо ободрение. Как бы то ни было, она сжала его пальцы в ответ и подумала, что его тактика была верной: они находились на пути во Францию, в Прованс, чтобы

¹² «Эм-джи» – британская автомобильная марка.

выкинуть из головы свои горести и наслаждаться жизнью на полную катушку. Пока они едут, горе не сможет их догнать.

Глава 3. Лизмей

Под вечер следующего дня Пирс и Лизмей въехали в Барль, *village perché*¹³, где у Жанны с Дуги был дом, и принялись петлять по узеньким выющимся улочкам в последних лучах закатного солнца, окрашивавших в припыленные оттенки темно-розового цвета каменные стены домов, разбросанных вокруг как попало, без какого-либо намека на планировку, со скрытыми дверными проемами и каменными лестницами, ведущими неизвестно куда.

И вот наконец появился он, четырехэтажный домишко, высокий и узкий, изначально построенный с расчетом на то, что внизу будет помещаться скотина, а наверху, над скотиной, люди, хотя хлев уже давным-давно переоборудовали в кухню. Экономка, мадам Кель-Кошмар, предупрежденная Жанной, встречала их на пороге. Должно быть, она высматривала гостей в бинокль на подъезде к Барлю, чтобы не пропустить. Она расцеловала их в обе щеки, безостановочно тараторя по-французски – приветствия перемежались с инструкциями и восклицаниями. Пирс с Лизмей, которые французский учили давным-давно в школе, только воодушевленно кивали в ответ, как попугаи, повторяя друг за другом «oui», «bien sûr» and «merci»¹⁴.

«Мадам Кель-Кошмар» прозвала экономку Жанна, поскольку ее настоящая фамилия была совершенно непроизносимой, а на любую проблему она реагировала восклицанием «*Quel sauchemar!*»¹⁵, всплескивая при этом руками и закатывая глаза. Одета она была в очень узкую твидовую юбку, атласную блузку и туфли-лодочки на высоченных каблуках, которые звонко цокали по каменным плитам пола, когда она, заведя гостей в дом, принялась показывать провизию, купленную к их приезду: багет, пачку сливочного масла, *saucisson*¹⁶, оливки, помидоры и козий сыр, а также свежий зерновой кофе и бутылку розового вина.

– *Vous êtes très gentille*¹⁷, – сказала ей Лизмей.

– *Une ange*, – добавил Пирс, и она, зардевшись оттого, что кто-то назвал ее ангелом, протянула ему ключи и на прощание помахала рукой.

Когда мадам удалилась, оставив после себя шлейф духов, которые куда больше подошли бы куртизанке, нежели экономке, они переглянулись с радостным вздохом людей, приехавших в место, которое они знают и любят. Эта деревушка была для них практически вторым домом, поскольку Жанна с Дуги всегда относились к ним как к членам семьи. Хотя находиться здесь без них, Конни с Арчи и остальных друзей было немного непривычно, поскольку обыкновенно в доме яблоку негде было упасть, а спали все вповалку на диванах, раскладушках и футонах.

Лизмей обвела взглядом кухню с ее каменными стенами и кафельным полом, открытыми полками, заставленными горами прованской глиняной посуды, и в очередной раз почувствовала прилив благодарности к Жанне. Подруга была права: для них с Пирсом это было сейчас идеальное место. Привычное и знакомое и в то же время уединенное. Перед этим они не успели даже толком обсудить друг с другом новости. «Эм-джи» был чересчур шумным, чтобы можно было вести на ходу хоть сколько-нибудь вразумительную беседу, так что Пирс одну за другой скармливал магнитофону кассеты: «Дайр стрейтс», «Полис», Элвис Костелло. Для него это был способ дать ей понять, что он не хочет говорить о том, что произошло. Это знание висело между ними, как закрытый чемодан.

Лизмей понимала, что затрагивать эту тему придется ей. Пирс аккуратно сложил неприятную новость и затолкал в самый дальний угол сознания, где, если ему позволить, она и будет

¹³ Здесь: горная деревушка (фр.).

¹⁴ «Да», «конечно», «спасибо» (фр.).

¹⁵ Какой кошмар! (фр.)

¹⁶ Колбаса (фр.).

¹⁷ Вы очень добры (фр.).

пребывать неизвестно сколько. Но это было нечестно по отношению к ней. Да, у него выбора не было. Но у нее-то был!

Впрочем, она слишком устала, чтобы сейчас об этом думать. Они для того сюда и приехали – чтобы прийти в себя. Этот разговор может подождать. Пирс между тем разворачивал свертки мадам Кель-Кошмар, пробовал оливки, нюхал сыр, почтительно выкладывал снедь на доску.

– Прямо пир горой, – говорил он. – Банкет. Боже, я обожаю эту страну. Как думаешь, где может быть штопор?

Она прекрасно знала, где штопор. В ящике кухонного стола, вместе с кремовыми в красную полоску льняными салфетками. Через мгновение Пирс уже разлил бледно-розовое вино по бокалам и протянул один ей.

– За нас! – произнес он.

Потом сделал большой глоток и заглянул ей в глаза – по-настоящему, впервые с того момента, как они выехали из Фулема. Лизмей видела, что муж изо всех сил пытается не заплакать снова. Она бросилась к нему; не выпуская из пальцев бокала, обвила его шею руками и обняла крепко-крепко, как только могла. Лизмей знала, как ему больно, и отдала бы все, что угодно, чтобы облегчить эту боль. Не знала только, какие найти слова.

– Это не имеет значения, – произнесла она единственное, что пришло ей в голову. – Это не имеет совершенно никакого значения.

Сказать было легко. Поверить в сказанное – сложнее. Разумеется, это имело значение.

Он отодвинулся от супруги, вывернувшись из ее рук, вновь поднес бокал к губам, одним глотком прикончил вино и потянулся за бутылкой, чтобы подлить себе еще.

– Я умираю с голоду, – произнес он. – Есть тут у них хлебный нож?

За весь день они съели только пару черствых круассанов в дешевом отеле, где останавливались на ночевку. Так что с дарами мадам Кель-Кошмар они расправились моментально, жадно разрывая багет руками, намазывая на ломти внушительный слой масла, наваливая поверх толстые куски сыра и колбасы и заедая все это терпкими солеными оливками.

К девяти вечера оба готовы были улечься на боковую. Они забрались под тяжелые льняные простыни, пахнувшие лавандой. Лизмей, сонная, разомлевшая после нескольких бокалов розэ, уже начинала потихоньку уплывать. Внезапно ее охватило острое желание почувствовать на себе тело Пирса, сплестись с ним в единое целое, когда непонятно, где чьи руки и ноги, слиться в долгом поцелуе, позволить себе роскошь физически отключиться от всего происходящего. Она подкатилась к мужу, закинула ногу ему на бедро, руку положила на талию и игриво потянула к себе, уткнувшись носом ему в плечо. Но Пирс лежал неподвижно, как бревно, спиной к ней. Лизмей знала, что он не спит. Слишком уж равномерным было его дыхание. Слишком напряжено тело. Он никогда раньше не притворялся спящим. Она остановилась, не очень понимая, продолжать или нет.

Должно быть, дал о себе знать проведенный за рулем день. Лизмей легонько поцеловала мужа в затылок, обняла за талию и крепко прижалась к нему, не убирая ногу с его бедра. Каким бы острым ни было ее желание заняться любовью, все перекрывала потребность защитить его. Ее дорогого, милого мужа.

Последнее, что она почувствовала, уже проваливаясь в сон, была его рука, которая нащупала и сжала ее пальцы. Так, сплетя пальцы и свернувшись калачиком рядом друг с другом, они и проспали до рассвета, пока в комнату не начали пробиваться первые солнечные лучи.

* * *

Наутро Лизмей проснулась от аромата кофе, лившегося с первого этажа. Она задумчиво коснулась подушки, еще хранившей след головы Пирса, потом выбралась из постели и двину-

лась по лестнице вниз, в кухню, где он уже выкладывал на стол свежие круассаны. От упоительного запаха свежей выпечки в животе у нее заурчало.

– Ты даже в булочную уже сбегать успел?

– Успел! – Он с гордостью посмотрел на круассаны. – Хотел подать тебе завтрак в постель.

– Давай лучше позавтракаем на свежем воздухе на террасе?

– Там не сказать чтобы очень жарко. Но думаю, если ты наденешь пуловер, будет нормально. Вынести все туда на подносе?

– Это было бы просто замечательно!

Сзади к дому примыкала крохотная терраса. Поскольку сам дом стоял на холме, оттуда открывался вид на крыши Барля; волнистая черепица напоминала водосточные желоба всех оттенков розового, бурого и терракотового. На шершавых пастельных стенах выделялись закрытые ставнями окна и разошедшиеся деревянные двери, выкрашенные в бледно-зеленые и голубые тона. На некоторых все еще можно было различить призрачные названия времен их прошлых ипостасей: где *pharmacie*¹⁸, где *râtisserie*¹⁹. Все здесь – и осыпающиеся колонны, и арки, и булыжные мостовые, и лестницы – дышало стариной, скрадывавшейся темно-зеленой тенью кипарисов или брызгами ползучего плюща.

Они неторопливо завтракали, глядя, как понедельник вступает в свои права. Ползли по извилистым улочкам машины, спешили в школу ребятишки, хозяева заведений выставляли на тротуары стулья. А за всем этим раскинулись фруктовые сады и виноградники Люберона, здесь и там перемежаемые крохотными деревушками, и в отдалении, в обрамлении величественных кедров, во всем своем великолепии смутно виднелся соседний городок побольше этого.

– Просто дух захватывает. – Пирс сделал глоток кофе и, одобрительно кивая, обвел взглядом окрестности. – Чертовски хорошая все же была идея.

Он так это произнес, как будто поездку они спланировали заранее, а не пытались сбежать от плохих вестей. Лизмей не знала, что и думать. Наверное, такое воодушевление было лучше, чем если бы Пирс впал в уныние, но он вел себя так, как будто никакого врачебного вердикта никогда не было. А ей отчаянно хотелось поговорить об этом. Ей нужно было получить подтверждение, что их брак достаточно прочен. Что их брака *достаточно*. Но слова застревали в горле.

– Не понимаю, почему мы живем не здесь, – продолжал между тем Пирс. – Французы знают толк в жизни. Они расставляют приоритеты правильно. Сама посуди... – Он взял с тарелки круассан. – Такого ты в Англии ни за какие деньги не купишь. Английские круассаны на вкус, как... – Он скорчил гримасу, подыскивая определение. – Как губка из поролон.

Слова сыпались из него стремительным потоком, как будто кто-то включил кассету на ускоренное воспроизведение. Лизмей закусила губу. Ей нужно было столько ему сказать! Столько чувств выразить! Но по его многословной болтовне она понимала, что он не хочет, чтобы она поднимала эту тему. Поэтому она взяла чашку и, весело улынувшись, спросила:

– Ну, чем мы займемся сегодня?

Пирс раскинул руки, словно хотел обнять весь мир.

– Мы не обязаны ничем заниматься. Просто *будем*. Ты только посмотри на все это! – Он удовлетворенно вздохнул. – Хотя мне нужно найти где-нибудь факс. В *immobilier*²⁰ есть.

– Ага, – поддразнила его Лизмей. – Ты точно уверен?

Каждый раз, когда они приезжали сюда на отдых, Пирс постоянно наведывался в агентство недвижимости, чтобы получить или отправить факс в офис. Он весело признавался в том, что питает слабость к миниатюрной грозной Иветт, которая владела агентством, и неизменно

¹⁸ Аптека (*фр.*).

¹⁹ Кондитерская (*фр.*).

²⁰ Агентство недвижимости (*фр.*).

возвращался обратно, вооруженный сведениями о выставленных на продажу домах, о чем с тоской в голосе пересказывал Лизмей.

– Иветт будет недовольна, если я не загляну к ней. – Пирс взмахнул ножом. – И потом, утром должно прийти важное техзадание. Я велел Алексу переслать его факсом. Мне нужно будет немножко над ним посидеть.

Пирс не мог не работать, но Лизмей не возражала, потому что он никогда не устраивал вокруг этого шумихи. Его мозг непрерывно генерировал идеи, и для него же самого было лучше иметь возможность куда-то их приложить, в противном случае ни к чему хорошему это не приводило. Лизмей порой думала, что вся эта кипучая умственная деятельность, это постоянное бурление и горение должны быть крайне утомительными, но он не мог без этого жить. Она не пыталась за ним угнаться. Она просто предоставляла ему полную свободу действий.

– Нам нужно сходить куда-нибудь пообедать, – предложил Пирс. – Мне вдруг захотелось *lapin au moutarde*²¹. Что скажешь?

Лизмей посмотрела на черную кошечку, которая вылизывала шерстку, сидя на стене. Кажется, Пирс ожидал, что жена будет делать вид, будто это самый обыкновенный отпуск.

– Конечно. Ты делай свои дела, а я забронирую нам столик. В «L'Éric»?

– Отлично. Пойду куплю газету и пачку «Disque bleus».

Лизмей с трудом удержалась, чтобы не вскинуть бровь. По совету врача они оба бросили курить, перед тем как пытаться завести ребенка. Пирс таким образом хотел сказать ей, что теперь все это в прошлом и он возвращается к своим былым сибаритским привычкам?

– Думаешь, это хорошая идея? – спросила она. – Ты же уже совсем переборол тягу к никотину.

– Ну, оттого что я выкурю одну сигаретку, никакого вреда не будет. После обеда. И только во Франции.

– Просто жаль будет, если все твои усилия пойдут насмарку...

– Не порти мне удовольствие.

Он произнес это с ухмылкой, без недовольства. Что Лизмей могла поделать?

– Ладно, пойду одеваться, – сказала она, поднимаясь и отряхивая с коленей крошки.

«L'Éric» располагался на единственной в Барле площади, напротив церкви, спрятанный за рядом лаймовых деревьев. В передней его части стояли прилавки, где можно было купить сыр и колбасу, а в глубине находился зал со стеклянными стенами, плотно заставленный шаткими столиками и стульями, откуда открывался ничем не нарушаемый вид на Люберон. Лизмей удалось занять их любимый столик в самом дальнем углу. Впервые после приезда она немного расслабилась, поскольку в любом случае не стала бы ничего обсуждать за обедом, на людях, так что можно было спокойно насладиться едой. Может, у них получится поболтать вечером? Разжечь огонь в большом старинном камине, тем более вечера были еще холодные и промозглые, свернуться калачиком на диване и, не торопясь, все обсудить. Пересмотреть их жизненные планы.

Она снова выйдет на работу. На настоящую работу. До того как врач посоветовал ей снизить обороты, она работала в аукционном доме. Не в крупном и известном, вроде «Сотбис» и «Кристис», а в маленьком, семейном, специализировавшемся на распродаже имущества из богатых домов. Она отвечала за все сразу: и за съемку лотов, и за составление каталогов, и за размещение предметов в аукционном зале таким образом, чтобы они были представлены в наиболее выигрышном свете. Невозможно было предугадать, на какую жемчужину ты можешь наткнуться, а вещи, которые приезжали в фургонах, порой таили в себе самые невероятные истории, и Лизмей нравилось смотреть, какие люди купили ту или иную вещь, и гадать, что

²¹ Кролик в горчичном соусе (*фр.*).

они с ней будут делать. Однако работа эта была физически довольно тяжелой, а в периоды распродаж еще и морально выматывающей, так что она уволилась. Вместо этого она теперь пару дней в неделю подрабатывала у подруги – у той был киоск на антикварном рынке в Челси, где она продавала бриллиантовые серьги и разнокалиберный старинный фарфор.

Ну и чем ей теперь заняться? В какую сторону смотреть? У нее не было ни определенной профессии, ни опыта, зато был хороший вкус и умение находить общий язык с людьми. Возможно, Пирс поможет ей составить резюме. Ей нужен был какой-то проект. Что-то, что позволило бы ей отвлечься от...

– А, вот ты где! – Перед ней, улыбаясь от уха до уха, стоял Пирс с ворохом каких-то бумаг. Он плюхнулся на стул напротив. – Ты уже заказала? Есть у них кролик?

– Ой, я еще даже не смотрела. – Она взяла меню. – Да, кролик есть. Будешь брать что-нибудь из закусок? Я, наверное, закажу омлет. Я знаю, это скучно, но...

Пирс ее не слушал. Он переложил бумаги на столешницу.

– Ты никогда не догадаешься, что мне показала Иветт. Думаю, это может быть ответом на все наши вопросы.

– На все наши вопросы?

Лизмей с улыбкой придвинула к себе бумаги.

Как она и ожидала, это оказался рекламный проспект какого-то объекта недвижимости. Пирс частенько возвращался от Иветт с каким-нибудь соблазнительным предложением, которым она помахала у него перед носом. Лизмей взглядела в размытую черно-белую ксерокопию.

Нет. Это было нечто большее, нежели просто дом. Надпись внизу гласила: «ШАТО ВИЛ-ЛЕТ».

Это было что-то новенькое.

– Шато? – рассмеялась Лизмей. – Ты с ума сошел?

– Нет! Это чертовски выгодная сделка. Владельцы хотят поскорее сбыть его с рук, так что готовы продать практически даром. Сегодня после обеда мы идем на него смотреть.

– Ну разумеется. – Лизмей закатила глаза.

Это было любимое отпускное времяпрепровождение Пирса – ходить смотреть на дома, которые они не собирались покупать. Лизмей потеряла счет летним домикам и голубятням, в которых они побывали, однако каждый раз что-то их не устраивало. То сомнительной конструкции выгребная яма, то неурегулированный спор с соседями. Так что до покупки дело ни разу не дошло.

– Я серьезно, Лизмей. Что-то мне подсказывает, что это *оно*.

Он взял из корзинки кусок багета и принялся жевать.

Чутье никогда не подводило Пирса. Потому-то он и достиг таких высот в своем деле. Работая над рекламной кампанией, он каким-то непостижимым образом всегда точно знал, что нужно. Там, где другие анализировали статистические данные, прогнозы, цифры продаж и демографию, он просто знал, что надо сделать, чтобы завоевать целевую аудиторию. Поэтому, когда он говорил, что «что-то ему подсказывает», к нему прислушивались.

Лизмей, однако, не спешила отбрасывать осторожность.

– Что мы будем делать с шато?

– Ты сама все поймешь, когда его увидишь. – Пирс взял меню. – Так, ладно. Я намерен начать с утиног риета²² – или это будет уже перебор, если я планирую заказать кролика?

Лизмей была исполнена решимости не вестись на новую фантазию Пирса. Разумеется, его безудержный энтузиазм ее радовал. Получив диагноз, он мог бы замкнуться в себе или впасть в депрессию, но его жизнерадостная натура победила. Без сомнения, с этой своей безум-

²² *Риет* – характерное для французской кухни блюдо из мяса или рыбы, напоминающее паштет.

ной затеей он уже слегка перегибал палку, но Лизмей решила, что пока не станет пытаться его отговорить. Она поедет туда вместе с ним и будет изображать вежливый интерес, а там, если повезет, обнаружится какой-нибудь подвох, который все решит. Если это шато продают за такую цену, там просто обязаны быть какие-то подводные камни.

Она улыбнулась своим мыслям, а Пирс тем временем подозвал официанта. Выглядел он гораздо лучше, чем в пятницу вечером. Беззаботным и оптимистичным.

– Ну что, возьмем бутылочку чего-нибудь? – сказал он, взмахнув перед ней винной картой.

Когда после обеда они выезжали из Барля, послеполуденное солнце светило изо всех сил, стараясь сделать этот уголок Прованса просто идеальным. На полях буйно зеленели свежей яркой листвой виноградные лозы. Земля, влажная, розово-красная, не была еще иссушена летним зноем. В загоне у дороги гарцевали и нетерпеливо мотали головой застоявшиеся белые лошади. В воздухе витало ощущение предвкушения радости, чего-то очень хорошего, что должно было вот-вот произойти. На небе не было ни облачка, и его безбрежная синева простиралась повсюду, куда вела их узкая дорога, которая извивалась и петляла, то взбегая вверх, то вновь уходя под уклон, подобно «американским горкам». Время от времени навстречу им попадался трактор или старенький «ситроен». Дважды им пришлось объезжать собак, неожиданно выбегавших на дорогу откуда-нибудь со двора фермы.

– Это просто рай на земле, – вздохнул Пирс.

Лизмей не могла не признать, что пейзаж вокруг совершенно идиллический. Будто кто-то послал гонца, чтобы здесь разбили цветущий яблоневый сад, посадили на крышу амбара роскошного переливчатого петуха, перекинули через стремительную речушку крохотный каменный мостик. Лизмей изо всех сил старалась оставаться бесстрастной и не позволить себя завлечь. Она опустила глаза и принялась вглядываться в детали: три страницы описания мелким шрифтом. Кое-что ей даже удалось расшифровать.

– А гектар – это много? – спросила она у Пирса.

– С пару футбольных полей, – отозвался тот.

Его ответ не слишком-то прояснил ситуацию. Лизмей никогда не жила в доме, к которому прилагался бы хоть сколько-нибудь обширный участок земли, поэтому все эти цифры ни о чем ей не говорили. Она уткнулась в карту, поскольку ей было поручено говорить ему, куда ехать.

– Думаю, это где-то у подножия вон того холма, – сказала она, когда они спускались в заросшую деревьями долину.

Все вокруг казалось размытым, как на картинах импрессионистов; легкий ветерок ласково подгонял их вперед. А потом перед ними внезапно выросли две высокие каменные колонны цвета жидкого меда и затейливые чугунные ворота, за которыми начиналась широкая извилистая аллея, обсаженная платанами.

Под ложечкой у Лизмей вдруг засосало от какого-то непонятного ощущения. Была ли это дрожь волнения? Или предчувствие какого-то поворотного момента? Такое чувство ей доводилось испытывать прежде лишь однажды. Бабочки в животе в сочетании с участившимся сердцебиением заставили ее перенестись в прошлое, в тот миг, когда она увидела Пирса в «Белой лошади» и поняла, что он – ее половинка. Пока она задавалась вопросом, что все это означает, Пирс миновал аллею, завернул за угол, и их взглядам предстало оно – шато Виллет, дремлющее на солнышке. Оно показалось ей дорогим и знакомым, как старый друг, хотя она не видела его никогда в жизни.

Здание не было ни громадным, ни монументальным, а... каким-то уютным, с симметричным фасадом из светлого тесаного камня, представляющим собой правильный квадрат с приземистой башенкой с каждой стороны. Окна первого этажа были высокие, от пола до потолка, а второго – глубоко утоплены в стены, подъемные, с деревянными ставнями, выкрашенными

в такой светлый оттенок голубого, что он казался почти белым. В черепичной крыше виднелись крошечные мансардные окошечки, обеспокоенно глядящие вниз. Все тут было выцветшее, облупившееся, заросшее, осыпающееся. Сквозь трещины там и сям пробивалась трава. Стены были густо увиты плющом и глицинией.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.